

Законодательные аспекты борьбы с дезертирством в Австро-Венгрии

Владимир Миронов

В Габсбургской монархии во время Первой мировой войны для борьбы с дезертирством, серьезно подрывавшим боеспособность вооруженных сил, был мобилизован весь государственный аппарат.

В целом неудачный для вооруженных сил Австро-Венгрии ход военных действий в 1914 г. повлек за собой интенсивную разработку Верховным командованием комплекса профилактических мер, направленных на предупреждение дезертирства. 31 января 1915 г. после многочисленных ходатайств Ставки на рассмотрение правительств Австрии и Венгрии поступил подготовленный военным министерством законопроект, предусматривавший введение военно-полевого судопроизводства в отношении дезертирства и других общественно опасных преступлений. Он обсуждался 8 февраля 1915 г. в Вене на созванном военным министерством под председательством фельдцейхмейстера Р. фон Германнштедтена совещании с участием представителей заинтересованных гражданских ведомств – юстиции и внутренних дел.

Ставка была полна решимости надежно оградить военнослужащих от разлагающего влияния национальной пропаганды в тылу, ставшей, по глубокому убеждению ее первых лиц, главной причиной дезертирства сербских солдат из одного маршевого формирования.

По данным министерства внутренних дел, приведенным на указанном совещании, были зарегистрированы 9 случаев дезертирства в Богемии, 133 – в Кюстенланде и 124 – в Южном Тироле.

Военные же круги смотрели на проблему дезертирства с гораздо меньшим оптимизмом,

МИРОНОВ Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук (Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина). E-mail: mironov.vladimir@hotmail.com

Ключевые слова: Первая мировая война, Австро-Венгерская армия, солдатский протест, дезертирство.

указывая, что численность дезертиров в одной только Хорватии – Славонии составляла от 600 до 700 чел.

Обнародованная тогда же статистика, согласно которой 120 австрийских военнослужащих были казнены за совершение дезертирства по приговору военно-полевых судов на русском фронте, нуждается в уточнении¹.

Приведенные на совещании данные, скорее всего, относятся к началу 1915 г., поскольку в современных исследованиях широко распространена точка зрения, согласно которой в 1914 г. в документах военного министерства не было зафиксировано ни одного подобного случая².

Вступившее в силу 16 марта 1915 г. положение о военно-полевом судопроизводстве предусматривало среди прочего передачу сведений об исполненных смертных приговорах военному командованию, в ведении которого находилась запасная часть казенного, для последующего оглашения приговора ее личному составу. Забегая вперед, отметим, что в 1918 г. военное министерство для обуздания дезертирства обязало военные командования приказами по частям предавать гласности во всех запасных формированиях своего округа приведенные в исполнение смертные приговоры, а также сообщать подобные сведения всем военным командованиям с просьбой об их оглашении в запасных частях. Причем его предписывалось сопровождать соответствующими внушениями рядовому составу².

Оценивая эффективность судебных репрессий в отношении дезертиров, следует отметить, что расчет на устрашение солдатской массы не оправдал себя. Не случайно 330 из 1468 казенных в военно-полевом порядке за весь период войны военнослужащих и гражданских лиц составили дезертиры.

События на русском фронте весной-летом 1915 г., связанные с переходом на сторону противника целых воин-

ских подразделений³, четко продемонстрировали недостаточность одного лишь запугивания строптивых солдат перспективой скорой расправы. Требовалось наладить эффективный контроль по возможности над каждым принадлежавшим к неполноправным нациям военнослужащим.

Так, летом 1915 г. военное министерство было встревожено участившейся среди чешских солдат практикой захватывать с собой на фронт членские билеты, выданные им физкультурным обществом «Сокол». Владельцы удостоверений панславистски ориентированного объединения могли рассчитывать, по мнению военной верхушки, на мягкое обращение с ними в случае пленения, чем они непременно стремились воспользоваться. В компетенцию командования запасных частей вменялось проведение разъяснительной работы с подчиненными, что взятое с собой на фронт любых удостоверений, кроме солдатского медальона установленного образца, находилось под строгим запретом и могло повлечь за собой серьезное наказание⁴.

Под прицелом карательного аппарата неизбежно оказывалась семья дезертира, серьезно ущемлявшаяся в своих социальных правах.

Еще военно-уголовный кодекс 1855 г. закрепил правовую норму, согласно которой до своей поимки (явки с повинной) или смерти, ни преступник, ни его родственники не могли распоряжаться арестованным государством имуществом, даже полученным в порядке наследования⁵.

С осени 1914 г. между Ставкой и австрийским правительством велась энергичная переписка относительно закрепления в законодательном порядке конфискации имущества как необходимой меры, призванной искоренить дезертирство и государственную измену. Конфискованное у преступников имущество, по мнению генералитета, следова-

ло передать в фонд помощи военным инвалидам⁶.

Поступившее от военных предложение вступало в явное противоречие со Ст. 5 Декабрьской Конституции 1867 г., провозглашавшей неприкосновенность частной собственности. В отправленной 31 октября 1914 г. Верховному командованию ноте премьер-министр граф К.Штургк отклонил инициативу генералитета, ссылаясь на связанное с ее претворением в жизнь нарушение Основного закона и отсутствие, по его мнению, для ее реализации какого-либо неотложного повода. Ходатайство военных было с пониманием встречено венгерскими властями, затянувшими с подготовкой предварительного проекта до лета 1915 г.

Повторное обращение Ставки, адресованное 6 мая 1915 г. лично графу К.Штургку, повлекло за собой рассмотрение его на заседании правительства.

В результате был утвержден соответствующий законопроект, обнародованный 9 июня 1915 г. в виде императорского указа с последующими дополнениями¹.

Он закрепил за австрийским государством право на возмещение материального и морального ущерба, узаконив конфискацию движимого и недвижимого имущества перешедших на сторону противника или поступивших на его военную службу подданных Австро-Венгрии.

Подобные полномочия были делегированы компетентным земельным судам, которые рассматривали дела о конфискации с соблюдением всех процессуальных норм. Обвиняемый утрачивал право распоряжаться собственным имуществом в течение всего срока действия судебного постановления о его конфискации⁷.

В последующие годы по инициативе военных в императорский указ были внесены многочисленные поправки, ужесточившие имущественно-правовую ответственность за совершение дезертирства и государственной измены. Командование всячески подстегивало разработку новых законопроектов, прида-

вая особое значение своевременному оповещению военнослужащих о тяжелых последствиях дезертирства для членов их семей.

«Существующие на сей счет законы и предписания имеют целью, с одной стороны, чтобы члены семей этих изменников, прежде чем будут приведены в исполнение заслуженные последние смертные приговоры, были серьезно поражены в своих имущественных правах, с другой стороны, чтобы солдаты на фронте как можно скорее узнали, какие последствия будут иметь дезертирство для виновных в нем и их семей»⁸.

Военные круги вели серьезную разъяснительную работу, доводя подобную информацию до сведения военнослужащих с помощью предназначенных для них специальных брошюр⁹. Гибель обвиняемого в результате приведенного в исполнение в военно-полевом судопроизводстве смертного приговора не служила препятствием для осуществления предоставленных австрийскому государству конфискационных полномочий⁸.

18 января 1916 г. министерство юстиции издало распоряжение, которое обязывало государственные органы уведомлять финансовую прокуратуру обо всех связанных с оформлением попечительства над конфискованным имуществом и распоряжением им операциях, включая назначение управляющего⁸.

9 июня 1916 г. министерство юстиции установило новый порядок конфискации имущества дезертиров и изменников на основе императорского указа от 9 июня 1915 г. Государственные органы были правомочны оспорить в кассационном порядке вынесенное не в их пользу судебное постановление, касавшееся отчуждения имущества дезертиров и изменников. В случае отсутствия объявленного в розыск обвиняемого на судебном процессе государству предоставлялось право осуществить свои имущественные претензии в период до истечения срока давности преступления.

Примечательно, что в равноправном положении с государственными органами находились частные кредиторы, заявившие свои претензии о конфискации имущества должника. В распоряжении были четко указаны основные средства, с помощью которых могли быть обеспечены имущественные претензии государства.

К ним относились:

- наложение судебного ареста;
- распоряжение наличными и поступлениями от пригодных к использованию предметов в рамках попечительства конфискованным имуществом;
- зачет в полагающуюся государству компенсацию отчужденного у преступника имущества.

Министерство юстиции предусмотрительно внесло в подготовленный им документ положение о банкротстве несостоятельного должника, учитывая возможность столкновения законодательных норм в случае начала конкурсного производства. В том случае, если операции с выставленным на торги имуществом дезертиров не соответствовали провозглашенным императорским указом от 9 июня 1915 г. целям, то претензии государства на период конкурсного производства подлежали аннулированию. Если же выручка от продажи имущества предназначалась претендовавшим на выплату алиментов членам семьи дезертира, то заявленные от имени государства претензии оставались в силе. При этом обвиняемый лишался права на оказание ему материальной поддержки⁸.

Для претворения в жизнь вступившего в силу законодательства о конфискации имущества дезертиров и изменников была необходима тесная координация с гражданскими структурами. При этом контрпродуктивно отождествлять гражданское правосудие с послушной марионеткой, безропотно

шедшей на поводу у военных кругов. Судебная система зачастую была не способна вынести обвинительный вердикт, навсегда лишавший виновных нажитой ими собственности, основываясь на собранных военными органами скудных сведениях.

Гражданские суды обоснованно требовали, чтобы поступавшие к ним ходатайства воинских частей обязательно содержали предысторию дезертирства к противнику, включая установление его мотивов и обстоятельств, а также характеризовали причиненный им вред вооруженным силам.

Так, государственная прокуратура г. Инсбрука, рассмотрев в январе 1917 г. поступившее от командования пехотной дивизии «Пустерталь» ходатайство о конфискации имущества подозревавшихся в добровольном переходе на сторону противника рядовых 4-го боснийско-герцеговинского полка О.Дражковича и О.Шкоро, не смогла передать дело в земельный суд за явным недостатком доказательств.

Собранный по крупицам обвинительный материал опирался лишь на изъятую австрийской военной цензурой почтовую карточку, отправленной О.Дражковичем из итальянского плена, и довольно путаные показания свидетелей. Обстоятельства исчезновения обвиняемых 7 декабря 1916 г. с позиций Руфедо остались до конца невыясненными, поскольку в тот же день был зафиксирован сход снежной лавины. Поэтому следствие терялось в догадках относительно добровольного характера перехода О.Дражковича и О.Шкоро на сторону итальянской армии¹⁰.

Запросы командования воинских частей, адресованные земельным судам по поводу конфискации имущества дезертиров, зачастую отклонялись последними из-за недостаточно полно проведенного военными трибуналами расследования.

Так, земельный суд Боснии и Герцеговины 13 мая 1918 г. отказался вынести постановление о конфискации имущества перешедшего на сторону сербской армии в 1914 г. капрала С.Рачича,

сославшись на отсутствие у него компетенции квалифицировать действия обвиняемого как дезертирство в рамках военно-уголовного кодекса.

Издание судебного постановления о конфискации имущества С.Рачича было отложено до тех пор, пока компетентный военный трибунал не представит убедительные доказательства виновности С.Рачича в инкриминируемом ему преступлении¹⁰.

Разумеется, периодически возникавшие проблемы во взаимодействии военного и гражданского правосудия не могли кардинально повлиять на общий характер правительственного курса, главной целью которого являлось максимально суровое наказание перебежчиков и членов их семей. Заметный отпечаток на деятельность гражданских судебных органов накладывали глубоко укоренившиеся в довоенное время стереотипы и предрассудки в отношении компактно проживавших национальных меньшинств, особенно в Трентино. Оставшиеся после 1866 г. под австрийским владычеством *terre irredente* стали незаживающей раной итальянского национального самосознания. Накануне Первой мировой войны в Трентино, Далмации и Истрии ирредента олицетворяла, казалось, несбыточную мечту двух поколений о воссоединении¹¹.

Призванные на военную службу итальянцы порой незаслуженно подвергались национальной дискриминации, достигшей своего пика после вступления Италии в войну весной 1915 г. Попавшие в плен к своим соплеменникам военнослужащие габсбургской армии огульно подозревались командованием в ирредентистских настроениях¹².

8 мая 1917 г. земельный суд г. Инсбрука, изучив собранный органами военной юстиции обвинительный материал в отношении стрелка 2-го тирольского полка А.Фурлани, удовлетво-

рил ходатайство о конфискации в пользу государства движимого и недвижимого имущества обвиняемого.

Согласно расследованию, проведенному трибуналом военного командования Трентино, обвиняемый 26 июля 1915 г. покинул расположение полевого поста на южнотирольском фронте во время снегопада. Организованное через полчаса преследование осталось безуспешным, а отосланный через два часа патруль обнаружил, что в километре от полевого поста находился вражеский лагерь¹³.

Наряду с проведением конфискационных мероприятий командование считало прекращение выплаты государственных пособий членам семей преступников эффективным средством, способным предотвратить массовое дезертирство военнослужащих. Правовым основанием служил утвержденный австрийским рейхсратом в 1912 г. закон о социальном обеспечении семей мобилизованных с внесенными в него во время Первой мировой войны поправками. Он содержал положение, согласно которому все осуществлявшиеся государством семье военнослужащего социальные выплаты подлежали прекращению в случае официально установленного его дезертирства¹⁴.

Генералитет проявлял постоянную заинтересованность в том, чтобы нацеленная на справедливое наказание преступников деятельность военной юстиции шла рука об руку с ограничением в социальных правах их родственников. Об этом красноречиво свидетельствует инициатива военных кругов по своевременному оповещению подчиненных о подлежащем наказанию смертной казнью дезертирстве вкупе с конфискацией принадлежавшего преступнику имущества и лишением его семьи государственной материальной помощи: «...Следует наставлять рядовых на родном для них языке о действии законов военного времени, а также о предписа-

ниях, касающихся конфискации имущества и прекращения выплаты пособий семьям»¹⁰.

Указанный документ обязывал органы военной юстиции поставить в известность командование запасной воинской части обвиняемого о преследуемом в уголовном порядке дезертирстве и обусловленном им прекращении выплаты социального пособия его семье.

Военные круги стремились своевременно устранить возникавшие на пути

осуществления карательных санкций в отношении семей дезертиров канцелярские проволочки. Ставка неоднократно сталкивалась с серьезными недочетами, допущенными при составлении списков дезертиров.

Многие графы поступавших к ней документов оставались незаполненными.

С этой целью вводился единый образец формуляра, содержавшего наряду с анкетными данными подозреваемого графу, посвященную доказательствам совершенного им преступления¹⁵.

Таким образом, меры по борьбе с дезертирством принимались не только в стенах армейской казармы, но и на законодательном уровне. Этим подчеркивалась особая роль дезертирства, таившего в себе серьезную угрозу стабильному функционированию не только вооруженных сил, но и самой многонациональной Габсбургской империи.

Утвержденные по инициативе военных законопроекты имели своей целью максимально суровое наказание родственников дезертира. Нельзя не заметить, что лоббировавшиеся военными репрессивные мероприятия серьезно дискредитировали принципы буржуазно-правовой государственности (неприкосновенность частной собственности), соблюдение которых, впрочем, мало заботило армейскую верхушку, возведенную в годы войны в ранг всемогущих хозяев страны.

Вместе с тем проблематично вести речь о прямом диктате командования, беспелляционно навязывавшего свою волю гражданскому правосудию. Последнее часто находилось в плену национальных предрассудков, сформировавшихся задолго до начала Первой мировой войны.

Нередко возникавшие недоразумения между военными трибуналами и гражданскими судами объяснялись недостатком доказательств совершенного военнослужащими дезертирства, не позволявшим своевременно начать процедуру конфискации принадлежавшего им имущества.

Другим важным средством воздействия на подчиненных командование полагало прекращение выплаты государственного пособия семьям дезертировавших военнослужащих.

Примечания

¹ *Fuhr C.* Das k.u.k. Armeekommando und die Innenpolitik in Österreich 1914–1917. Wien, 1968. S. 91, 92, 99–100.

² *Platzer K.* Standrechtliche Todesurteile im Ersten Weltkrieg. Graz, 2004. S. 76, 124, 75.

³ *Germann R.* Österreichisch-Ungarische Kriegsführung und Kriegsbilder an der Front zu Russland 1914/15. Wien, 2001. S. 144–146; *Höbelt L.* «So wie wir haben nicht einmal die Japaner angegriffen». Österreich-Ungarns Nordfront 1914/15 // Die vergessene Front. Der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung. Im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes. /Hsg. von G. P. Gross. Paderborn; München – Wien – Zürich, 2006. S. 114–115.

⁴ Österreichisches Staatsarchiv (далее – ÖStA), Kriegsarchiv (далее – KA), Militärgerichtsarchiv (далее – MGA), Karton 2909/16–18, Strafakt E 2362/ 17, k.u.k.

- Ersatzbataillon des k.u.k. Infanterie Regimentes Nr. 47 an das Kmdo der k.u.k. 4 Marschkompanie, Marburg, 2.2. 1916. K.u.k Kriegsministerium. Pras Nr. 10.011. Mitnahme von Sokollegitimationen seitens Mannschaftspersonen. Wien, 2.06.1915.
- ⁵ *Hämmerle C.* Desertion vor Gericht: Zur Quellenproblematik von Militärgerichtsakten am Beispiel der k.(u.) k. Armee 1868–1914/18 // Wiener Zeitschrift zur Geschichte der Neuzeit. 8 Jg, 2008, H. 2. Deserteure. S. 43. ..
- ⁶ Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers. Österreich – Ungarn und der Erste Weltkrieg. 2 Aufl., Graz – Wien – Köln, 1994. S. 272.
- ⁷ Kaiserliche Verordnung vom 9. Juni 1915 über die Haftung für Schadenersatz bei verratschen, in Kriegszeiten begangenen Handlungen // Reichsgesetzblatt (Wien), (далее – R.G.B.L.) № 156. S. 267–269.
- ⁸ Zur kaiserlichen Verordnung und zu den Gesetzen über die Beschlagnahme des Vermögens von Verratern a) Verlautbarung von Beschlagnahme // Das Militärstrafverfahren im Felde. Nach Gesetzen, Verordnungen und Erlassen als Hilfsbuch zusammengestellt von A.Schager und L. Kadecka. Wien, 1916. Nachtrag I. S. 25, 26, 27–29.
- ⁹ Der Soldat. Seine Pflichten und Rechte. Ursachen und Zweck des Krieges. Wien, 1916. S. 28.
- ¹⁰ Zur kaiserlichen Verordnung... Nachtrag III. S. 88–89. ÖStA – KA – MGA, FKG der 55. ITD, Karton 6396/ 17, Strafact K 602/1917, Donda Alois, k.u.k. Militärkommando Graz an die Nachrichtenstelle des 10. Armeekommandos, 21.9.1917; Karton 4324/18, Strafact E 256/1918, Draskovic Obren, Skoro Obren, k.u.k Staatsanwaltschaft Innsbruck, 12.01.1917. an das Gericht der Infanterie-Truppen-Divisionen Pustertal; Referat vom 4.7.1918; Karton 5726/ 16-18, E 2579/1918, Racić Savo, Landesregierung für Bosnien und die Herzegowina an das Gericht des k.u.k. 6 Inf. Divisionskommandos, 13.5.1918; Zur kaiserlichen Verordnung... Nachtrag I. S. 26.
- ¹¹ *Кирова К.Э.* Революционное движение в Италии (1914–1917). М., 1962. С. 21–22.
- ¹² *Überegger O.* Der andere Krieg: Tiroler Militärgerichtsbarkeit im Ersten Weltkrieg. Innsbruck, 2002. S. 265–266.
- ¹³ ÖStA – KA – MGA, FKG der 56. Schützendivision, Karton 8842/16, Strafact K 12/1916, Furlani Antonio, k.k. Landesgericht Innsbruck, 8.5.1917, Beschluss.
- ¹⁴ Verordnung des Ministeriums für Landesverteidigung im Einvernehmen mit Finanzministerium und im Einverständnis mit dem Kriegsministerium vom 28. September 1915 // RGBL. № 288. S. 715.
- ¹⁵ Administratives Verfahren bei Desertionen, Einstellung der Familiengebühren von Deserteuren // Das Militärstrafverfahren... Nachtrag II. S.117–119.

